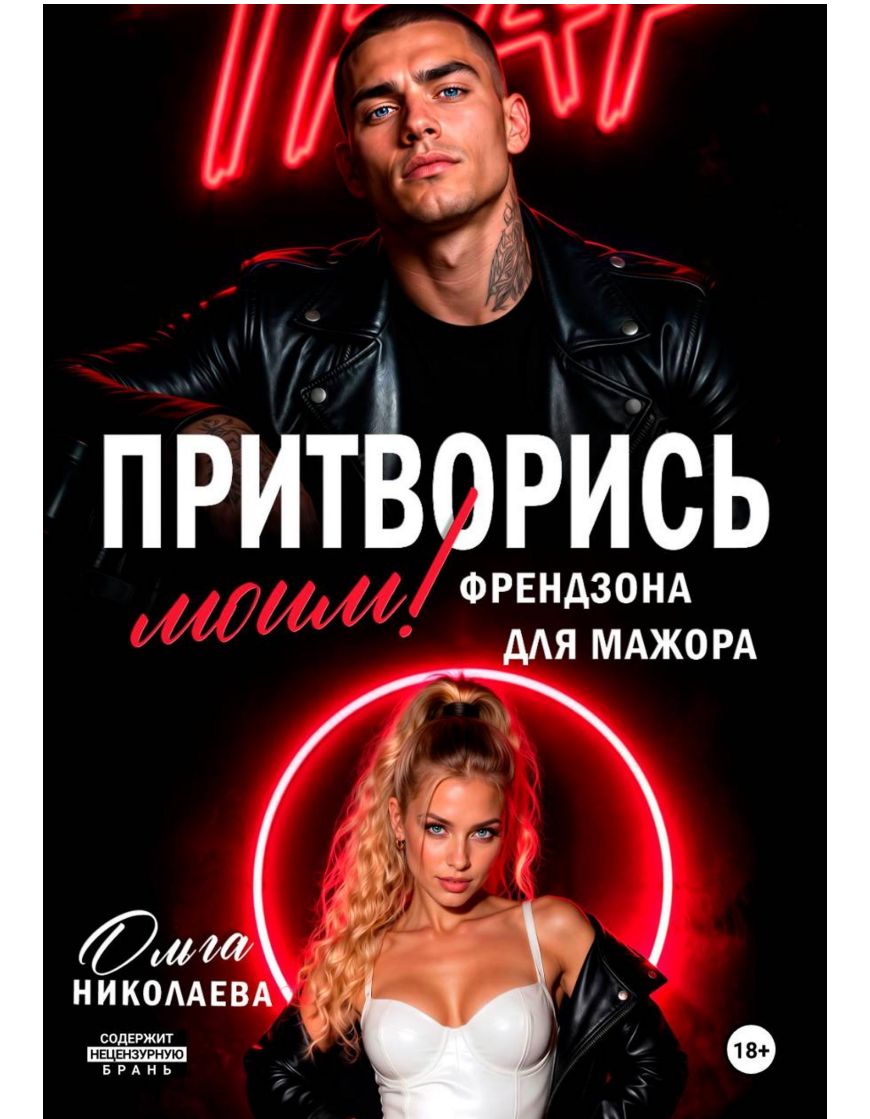

ПРИТВОРИСЬ

мими!

ФРЕНДЗОНА
ДЛЯ МАЖОРА

Ольга
НИКОЛАЕВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Николаева

Притворись моим!

Френдзона для Мажора

<https://litres.ru/74458568>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Будь моим» - так Алька шепчет в моих горячечных снах. Сладко улыбается и тянет ко мне руки

«Притворись моим!» - то, что я слышу в реальности. И ненавижу ее. И себя. За то, что когда-то заставил ее верить в нашу дружбу!

Все девочки в округе мечтают попасть ко мне в постель.

А мне нужна всего одна – та дурочка, что поместила меня во френдзону.

Папа никого не примет, никогда. Только Воронова Данилу. Он ведь самый надежный, самый проверенный, самый правильный – сын его лучшего друга!

А я Я хочу, между прочим, любить! И совсем не этого мажорчика, с его чередой красивых кукол.

Но зато он может мне помочь. Точно ведь не откажется! Всего-то и нужно – моим парнем притвориться. Это ведь не так и сложно. Правда же?...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ольга Николаева

Притворись моим!

Френдзона для Мажора

Глава 1

«Ты мне нужен! Срочно! Ответь, пожалуйста!» .

Сердце замерло на секунду, и тут же ускорило бег. Челюсти сжались до хруста. И глаз дернулся.

- Милый, ну, что там опять у тебя? – Жеманный голосок зашекотал ухо елеем. По шее, вниз под вырез майки, проскользнули тонкие пальчики с кровавым маникюром.

- погоди. – Отмахнулся от назойливой девки, словно от мухи. – Тут срочное.

Перевернул экран, чтобы не светить лишнее.

- Дан! Данечка! Ты же обещал, что сегодня... - Она обиженно надула пухлые губы, принялась накручивать платиновую прядь на тонкий пальчик. – Я и так тебя ждала столько времени...

- Подождешь еще. Не развалишься. – Сорвался с постели, на ходу застегивая джинсы, захлопнул за собой дверь спальни.

- Что?! Что опять случилось, Аль?! – Боковым зрением за-

сек движение за спиной. Белокурая фурия вылетела из квартиры, долбанув дверью с такой силой, что стены затряслись. – Ты мне опять горячую ночь загубила! До утра не могла подождать?!

Она притихла. Прерывистый вздох – и ни слова больше. И какие-то громкие крики, визги, басы музыки на заднем фоне.

- Только вот еще не плачь мне. Не хватало твои сопли утирать!

Стиснул зубы, чтобы еще чего-то грубого не ляпнуть.

Ее обидишь – потом полгода надо ходить вокруг и умолять, заглядывать в глаза, как побитая собака.

- погоди. Сейчас включу видео. Пару секунд.

Сбросил вызов.

Один шаг – в спальню, второй – к двери.

Ага.

Так и думал.

Эта надутая блонда еще топталась в подъезде. Типа, не могла такси вызвать.

- Трусы свои запасные заberi. – Швырнул ей «забытую» сумочку. И все замки закрутил на максимум оборотов.

- Дань. У тебя свидание, да? Я помешала? Прости... - Алька уже сама смотрела на меня, как побитая собачонка.

- Переживу. Что у тебя?

- Иди, верни девочку. Ну, чего ты мне сразу-то не сказал?

Связь – хреннее некуда.

Вместо нормальной картинки, на экране только размытые пятна в пикселях.

- Выйди на улицу. Я ни черта не вижу. И слышу тебя плохо. – Смутное беспокойство уже начало нарастать. Смешалось со злостью и раздражением.

Сейчас бы схватить ее за шкурку и встряхнуть, как котенка нерадивого! Вытрясти всю глупость. И поцеловать. Высосать из дурной головушки любые мысли об этих идиотских клубах!

И всю душу из нее вытянуть, заодно. Оставить себе. И никому не отдать больше.

- Ой, давай, лучше завтра уже созвонимся, хорошо? Я что-то не подумала. Зря тебя набрала... - Заюлила, заерзала, решила дать заднюю.

- Аля... - Вот теперь я уже зарычал, ни в чем себя не ограничивая. – Ты меня слышала, твою-то мать, чертова задница?!

- Все. Все. Поняла. Выхожу. Перезвоню сейчас.

- Локацию мне скинь. Приеду – поговорим.

Обычно она выпаливает все, что взбредет в бедовую головушку. Всякую чушь. И знает, что я буду с радостью слушать. Хоть мычит – пускай. Главное, чтобы со мной говорила.

А тут – юлит. Значит, какая-то совсем уже хрень приключилась. И ее нужно срочно разруливать!

- Не надо, Дань! Говорю же тебе!

- Аля... - Рык получился уж совсем звериный. Долба-

нул костяшками по стене, снова кожу стесал... Облизнул костяшки от выступивших капелек крови...

- Да. Поняла. Жду. Тут недалеко от тебя.

- Все. Не лезь никуда. И ни во что не впутывайся больше!

Байк еще не остыл от прогулки с блондой. Даванул по газам, пугая рыком мотора всех крыс и котов на парковке.

Я правильно все угадал – эта засранка тусила в клубе. Время – за полночь.

- Ты какого лешего здесь делаешь? А если папенька зайдет, проверит, как доченька спит? Я снова тебя отмазывать буду? Аль. Мне это уже насто... - Проглотил окончание слова.

Как бы ни злился на нее, ни одно ругательство не могло при Альке наружу выскочить.

Сначала проорался, и лишь потом рассмотрел эту дурочку.

- Ты на кой ляд сюда так вырядилась? Приключений на задницу ищешь? – Сбросил с плеч кожаную куртку, протянул Альке. – На, спрячь свой срам!

- Зачем? – Невинные глазища, полные удивления. Реснички – хлоп, хлоп. – Я же нормально выгляжу...

И еще покрутилась передо мной, демонстрируя, какая она тут, млять, нарядная. Даже не надо вертеть пятой точкой – к ней и так прикованы все взгляды.

А в декольте – капельки пота собираются. И рука вот пря-

мо тянется, чтобы их собрать, вытереть...

- Я не хочу отгонять от тебя всех озабоченных в округе!
– А главное, как бы самого себя от соблазна удержать?! Это же чистый соблазн, только с глазами непорочной девы.

- Не надо никого отгонять. У меня теперь есть, к кому обратиться за защитой, понял?! – Обиделась. И куртку мою сбросила.

Схватил ее за плечи, заставляя снова накинуть.

- Что, что? – Пальцы сжались, против моей воли. Так сильно, что синяки могли остаться.

- Ай! Ты чего, Дань?! Прекрати злиться! – И нежно так погладила по щеке тыльной стороной ладони. И сердце зашлось. И веки опустились. Господи... Разве так можно? Разве можно так поступать с лучшим другом, твою-то мать, а?!

- Ты зачем звонила мне, Аль?! Ты пьяная, что ли?!

- Мне нужна твоя помощь, Дань. Больше не у кого просить, понимаешь? – И снова по щеке ладошкой. Туда-сюда. Мягко-мягко, самыми кончиками пальцев... В животе все мышцы сжались. В паху – все железное, твердое, напряженное до боли.

Вдох. Выдох. Очень прерывисто и коротко. И квадратный корень из семьсот пятьдесят... Сколько это будет? И есть ли корень у этого числа?

- Даня... Что такое? Ты ее любишь?

- Кого?! Кого я люблю-то, Аля?! Ты о чем со мной говоришь, вообще?

- Ну, девушка твоя... Она ревновать не будет, если ты мне поможешь?

- М... Предположим, не будет. У нас такие отношения, что никто никому ничего не предъявляет! – Как будто она сама не знает, что у меня каждый день – новая. И никому еще не позволялось со мной ссориться.

- Вот. Хорошо. Значит, у нас все получится. Так здорово, Данечка, что ты есть у меня!

- Аль. Я ничего не понимаю. – От этих ее слов, начал закипать и плавиться. Ну, никак не победить свои мечты, еще со времен школы. Когда-то же реально верил, что у нас все может получиться...

- Притворись моим парнем, Дань.

Глава 2

- Что?

Данина куртка на моих плечах – горячая. Она еще хранит тепло его тела, запах его туалетной воды, родной и знакомый, греет и успокаивает...

- Что ты сказала, Румянцева, повтори? – И все. Мороз по коже. Кажется, что голос Дани где-то в горле застрял, и теперь не может вылезти наружу. Продирается, словно наждак... И от этого скрипучего звука по моим рукам бегут противные, холодные, колющие мурашки.

- Прости. Не надо было. Я просто не подумала. Устала, чего-то насочиняла себе опять...

- Повтори, я сказал. – Он уже рычит и грозно скалится. Жесткие пальцы впиваются в мышцы предплечий.

- Ай, больно! Не делай так! Я сейчас плакать буду! – Моя короночка. Всегда на него действует. Стоит только слезинку пустить – и Воронов тут же мягкий, теплый, заботливый. Мой самый лучший, самый любимый друг! А не вот эта вот страшная гора, напичканная тестостероном!

- Не юли, Румянцева. – Но хватку, все же, ослабляет. Осторожно поправляет воротник, загнувшийся внутрь на моей шее. Нечаянно цепляет кожу костяшкой большого пальца... Мы оба вздрагиваем, как от удара, и замираем, отчаянно глядя в глаза друг другу...

- Я... Как всегда, дурацкая затея, Дань. Извини. Я снова ерунду придумала. Ничего не надо. Езжай домой. Я тоже скоро пойду...

- Нет уж, Румянцева. Ты сейчас мне все выложишь. И не дай Бог, совершь хотя бы на половинку слова!

- Ой, Данюш... Ты такой милый становишься, когда начинаешь притворяться моим папой... Такой же строгий, серьезный... Я сейчас сделаю все уроки, честно пионерское! И конфеты больше есть не стану! – Затараторила, заторопилась, понесла какую-то нелепую чушь, которая всегда меня спасала, заставляла Даньку улыбнуться. Сначала скупое, смазано, а потом – от души, во все тридцать два его яркие зуба...

- Тормози. Не прокатит. Пойдем. – Как всегда, коротко. Но очень доходчиво. И так внушительно, что остается лишь прикусить язык и заткнуться.

И семенить за ним следом. Не успевать, спотыкаться на неудобных, слишком высоких и тонких каблуках... Ловить его недовольный взгляд, брошенный через плечо, и снова ускоряться.

- Стой. Зачем мы туда идем? Я домой хочу. Сюда не будем больше возвращаться. – Клуб, до того казавшийся чудесным, веселым, самым привлекательным местом для жизни, вдруг вызывает отвращение.

- Ты пила? - Он резко тормозит, от чего я врезаюсь носом в его спину.

- Ты чего? С ума сошел?! – От возмущения и обиды тол-

каю, со всей силы. Но с таким же успехом, я могла бы постучать и по стене. Слишком он большой и сильный, чтобы я могла его с места сдвинуть...

- Что-то принимала?!

- Да иди ты в задницу, Воронов! Я тебе не для того звонила, чтобы ты устраивал допрос!

От возмущения снова начинаю тараторить, злиться, путаться в словах и звуках.

Даню это всегда забавляло и смешило.

Только не сегодня.

Он резко дергает меня за руку и уводит куда-то в сторону. Не туда, куда ломятся все заведенные гости клуба.

Толкает неприметную дверь - и вот мы в тихом, темном помещении, похожем на подвал.

- Ты меня здесь прикопать решил, да? – Нервно дергается рот. Я его таким еще не видела никогда. Неужели, так сильно расстроился, что с девушки его сняла? Может, у них там любовь, а я со своими глупостями?

Едва успеваю заткнуться, чтобы неудачным вопросом не сделать еще хуже.

- Ей – сок. Мне – вискарь. Грамм двести. Не разбавляя. – В полумраке тащит меня к барной стойке, о которой даже догадаться было нельзя. Слишком это помещение на бар не похоже...

- Чего?! Дань, какой вискарь?! Ты же на байке сюда приехал! Тебе пить вообще-то нельзя... - спорю с ним, по при-

вычке, но забираюсь рядом с ним на барный стул.

- Ноги прикрой. Ты чего так вырядилась? Вляпалась в какую-то новую секту, что ли? Там у вас шлюх разводят? А за это кормят лучами солнца?

Он, конечно же, игнорит мое замечание про алкоголь. Забирает стакан у бармена и заливает его в себя одним махом.

- Все. Это уже перебор, знаешь ли. – Не дождавшись своего сока, спрыгиваю обратно, и чешу к выходу. Еще мне таких обид от него не хватало! Губы трясутся. Часто-часто моргаю, чтобы прогнать внезапные слезы.

Глотаю обиду, толкаю внутрь себя, чтобы прямо тут, на его глазах, не разрыдаться.

- Перебор – это твое платье, Аля! Ты с какого хрена так вырядилась и приперлась сюда?! Вообще, понимаешь, как это выглядит?

Мне никто уйти, конечно же, не дал.

Буквально два шага – и я припечатана к стене. Холодной. Каменной. Ощущаю спиной, какая она твердая, даже через кожанку Дани. А грудь упирается в такую же твердую Данину грудь. Только очень горячую и часто вздымающуюся.

Он зол. Глаза горят яростью. Крылья носа раздуваются, зубы стиснуты с такой силой, что челюсть выступает...

- Да что такого-то? Обычное платье! Надела на свидание! Я же не в школьной форме должна была сюда идти?! И вообще, какое ты имеешь право так со мной говорить, Воронов?

- Я – твой лучший друг. И твой отец мне доверил за то-

бой присматривать. Хочешь, чтобы он сам эти занялся? – Он щурится предупреждающе и лезет в карман джинсов за телефоном.

Мускулистая рука еще сильнее прижимается к моему тонкому платью. Он как будто голую меня касается... Замираю от необычных, странных, неожиданных ощущений...

Тьфу ты, черт побери! Это же мой Данька! Он же родной, как брат! Как я могла подумать, вообще, такое?

- Так что, звоню папочке?

- Ага. Скажи, что ты водил меня в клуб, напился, целовал по-взрослому, все понял о нас. И теперь мы вместе!

Я сама не своя от того, что ощущаю от этой его тесной, горячей близости. И выпаливаю то, о чем хотела сказать весь вечер.

И обмякаю, стекаю по стене от усталости.

Глава 3

Твою же мать, а!

- Алька... - Мой голос падает, опускается до сипа, едва различимого среди шума. Сердце так гулко стучит по грудной клетке, что я сам почти не разбираю, что шепчу ей в лицо.

- Да!

Она точно так же, едва различимо, теряя дыхание, шепчет мне в рот свое согласие.

И я целую ее. Крепко. Жадно. По-взрослому. С языком. Облизываю губы, втягиваю в себя, всасываю, дрожа от удовольствия и от зависти – к самому себе!

Забыв о том, какая она хрупкая, какая нежная, какая тонкая... О том, что даже дышать на нее иногда страшно... Одной рукой охватываю плечи, вторая шарит по ее спине, забирается в глубокий вырез, трогает позвонки, пересчитывает их, заставляет ее гнуться, плавиться, дрожать – и все это – по моей воле!

Жутким усилием воли сдерживаю хриплый стон. Я еще ничего не сделал с нею, а уже готов взорваться от удовольствия. От того, что раньше мог видеть только в горячечном сне.

- Эй, голубки. Здесь нельзя. Оплатите приват, и там милуйтесь, сколько угодно. – Хриловатый голос мужика за

спиной заставляет меня вынырнуть из омута.

Трясу головой, пытаюсь очнуться, поворачиваюсь... Я сам немаленького роста. Но охранник выше меня на пару голов, шире в плечах... И не пьяный, как я, от близости самой желанной дурехи...

- Все нормально. Мы сейчас уже уходим. - Тонкий, какой-то совсем не Алин голосок заставляет меня отвлечься.

Мужик, неодобрительно дернув губой, удаляется. На прощание бросает взгляд через плечо. Очень внушительный. И многообещающий.

Алька дрожит. Всем телом.

От макушки до тонких, изящных щиколоток. Ее всю колотит крупная, какая-то нездоровая дрожь.

- Аль? – Я хочу продолжения. Хочу целовать ее. Еще больше. Еще глубже. Еще сильнее. Чтобы она плакала, стонала и смеялась подо мной, в моих руках, под моей тяжестью.

Она вытирает рот тыльной стороной ладони. А в огромных голубых глазах плещется что-то... Что-то очень странное. И совсем не похожее на радость.

- Ты чего, совсем офонарел, Воронов? - пушистые, густо нарисованные ресницы трепыхаются, порхают, летают над ее щеками... Еще чуть-чуть – и по щекам потекут слезы.

Это выражение лица я знаю слишком хорошо. Слишком часто вытирал, утешал, успокаивал, собирал из-под носа сопли. Еще с тех пор, когда пятилетняя дурочка-соседка падала с моего велика и разбивала коленки.

- А что не так? Тебе не понравилось, что ли? – Вытирать ей нос, после моего поцелуя, это уже совсем зашквар какой-то!

Зубы сами сжимаются от злости. И кулаки похрустывают... Едва держусь, чтобы не долбануть по стене.

- Я не шлюха твоя, понял? Кто тебе разрешил так делать со мной?! – Ага. Вот она. Вся такая. Стоит лишь психануть – и от злости слезки вмиг высыхают! И хрен ты уже их вытрешь, даже если очень хочешь пожалеть... Руку протяни – и тут же оттяпает. Чтобы не лез!

- Сама же предложила. Что не так? – Тупею. В своих собственных глазах падаю, на самое дно лечу. В голове только звон и грохот. Кровь ушла вся куда-то вниз. Пах ломит от напряжения. Ни черта не соображаю. – Что опять за претензии, мелкая? Я все сделал, как ты просила!

Она пытается нырнуть мне под руку и сбежать.

Все, как обычно у нас. Она меня злит. Я ору. Она пугается и сваливает.

А я, как обычно, виноват.

Одно только но: в этот раз я залез ей в рот языком, а руками чуть в трусы не забрался.

И это все очень сильно меняет.

И я не намерен ничего откатывать назад!

Позволяю уйти. Всего на пару шагов.

Мне остыть нужно и привести башку в порядок. Иначе, черт возьми, придется кидать ее через колено и шлепать по

заднице. Чтобы вела себя понятно и прилично!

Прикрыв глаза, упираюсь затылком в стену. Глубокий, жадный вдох. Выдох – с задержкой.

Тренер учил так делать, когда совсем тяжело... Но что-то ни черта сейчас не помогает...

- Что, послала тебя кошечка? - Какой-то придурок угашенный толкает меня в плечо. – Может, мне попробовать счастья? Она клёвая...

И смачно, аппетитно облизывает губы...

- Тварь! Только посмей даже посмотреть на нее! – Жестко дергаю козла за локоть, откинув его назад, и припускаю вслед за Алей.

- Уходим отсюда! Быстро, поняла?! – Успеваю поймать ее у самого выхода.

- Сама доберусь. Отвали. И не трогай меня, слышишь? Я не твоя подстилка, чтобы так обращаться со мною!

Дергается, вырывается, оставив в моих руках мою же куртку.

- Так ты, значит, предпочтешь, чтобы лапал кто-нибудь другой?! Посмотри, как тут много желающих! Давай, выбирай! Покажи пальчиком – я помогу познакомиться!

Зло рычу на нее, выплевывая звуки сквозь зубы. И тащу на парковку, не позволяя оглядываться.

С нее же, дуры, станется: согласится на что угодно, лишь бы меня позлить!

- Я вызову сейчас такси и сама домой уеду! Зачем я вооб-

ще додумалась тебе звонить? Знала же, что не выйдет ничего хорошего!

Вся такая из себя деловая и самостоятельная, она продолжает улепетывать, на своих тонюсеньких, длиннющих шпильках! Впервые на ее ногах такие вижу... Смотрю на изящные, точеные щиколотки, облизываюсь от желания потрогать, охватить их пальцами, убедиться, что они настоящие.

- Ай! – Прямо на моих глазах, она спотыкается и падает. Совсем не изящно. Платье задирается почти до самого бедра.

- Аль, ты как? Больно? – Падаю на колени рядом. Сердце в пятках.

Она лежит в той же позе, спрятав лицо куда-то в асфальт...

- Аля! Аля, что с тобой?! Тебе вызвать «Скорую»? – Тормошу ее, пытаюсь перевернуть, заглянуть в лицо... - Ударились? Вывернула себе что-то? Аль, не молчи, скажи что-то...

Не выношу, когда ей больно. Лучше бы умер сам, чем смотреть, как она страдает... Это же невозможно, когда Альке плохо...

- Уйди. Воронов, просто уйди. И оставь меня! – Она внезапно приподнимается. Прожигает насквозь. Глаза сухие, горящие ненавистью и обидой.

- Вот еще. – Живая, значит. И не так уж ей и больно. Просто психует, как всегда.

Встаю и подхватываю ее на руки.

Так проще. И так надежнее. И теперь уже не денется никуда.

- Тебе за руль нельзя. Ты пил, помнишь?

- Ну, пешком дойду. Не беда.

Ее вес, не больше бараньего, нисколько не тянет. Наоборот, придает мне сил и бодрости. Держать ее так – абсолютный кайф.

- Дань, все уже нормально. Я успокоилась. Поставь меня. Я доберусь сама до дома.

Ее голос обманчиво тих и лишен эмоций. Она просто просит. Не дергается, не вырывается.

Только меня уже этим не проведешь. Как облупленную знаю: только выпусти – и тут же упорхнет. И станет язык из-за угла показывать...

Глава 4

Все. Не могу больше.

Закинув голову назад, жмурюсь изо всех сил. Громко сглатываю.

Слезы обиды и усталости закипают на глазах.

Но я же не стану плакать при Даниле! Ни за что! Никогда и ни за что не стану плакать!

Я его, гада, слишком хорошо знаю: сначала будет жалеть, утешать, притворяться, что весь такой заботливый и ласковый... Я, конечно, поверю, растаю, выложу это все... А потом как начнет стебать! Всю жизнь издеваться будет и вспоминать про эту мою глупую, разовую слабость...

- Не дрыгайся. – Вот. Уже. И плакать не надо было. Все-го-то шевельнулась в его руках – а Воронов уже начинает угрожать.

- Тебя спросить забыла. – Огрызаюсь больше по привычке, чем в надежде, что поставит меня на ноги. – Отстань от меня. Иди уже своей дорогой, а я дальше как-нибудь сама!

- Сама себе ногу чуть не сломала, а я, как всегда, виноват? – Он рыкает, но уже как-то иным голосом: без злости. Почти по-домашнему. Почти как мой родной, мой самый лучший друг Даня...

- А не надо было меня пугать, между прочим! Напился – веди себя прилично. Зачем было делать вот так?

Память о его поцелуе, таком волнующем и пугающем, до сих пор обжигает мои губы. Они чешутся, зудят, болят... Я не хочу такое помнить! Не хочу даже думать о том, как он своих девок целует... Почему все так?!

Он лишь подкидывает меня на весу, заставляя ахнуть.

- Ай! Выкинуть решил? Может, как-то поаккуратнее? – На автомате, хватаюсь за крепкие, сильные, такие надежные плечи...

- Лучше держись. Иначе на плечо взвалю, так и потащу, вверх задницей. Пускай, все плятятся на твои кружевные трусы... - Не вижу его лицо, но точно знаю: Данька снова ехидно ухмыляется. Так противно и так гадко. И так знакомо, как умеет только он один.

- Тебе нельзя на мотоцикл, Дань. Ты же пил. Я спрыгну, ты же знаешь! – Снова нарастает паника, как только чувствую, что он тащит меня на парковку.

- Я в курсе. Не дрейфь. – Ободряюще хлопает пальцами по моему бедру... Но я опять вздрагиваю, как испуганная кобылка. И что теперь? Нам больше нельзя будет прикасаться друг к другу? Я всю жизнь теперь буду его бояться?!

- А что, пешком тащить меня будешь, до самого дома?? Я в тебя, конечно, верю... - Хихикаю, представляя, как он меня понесет по всем проспектам...

- Аль. Ты сегодня где свои мозги-то оставила? Дома забыла, вместе с нормальной одеждой? Или, может, обменяла их на входной билет? Как, вообще, попала-то сюда?

Данька все больше становится похожим на себя. Немного едкий, вредный, но заботливый и внимательный. Тот самый Даня, которого я хотела просить о помощи...

Я льну щекой к его плечу. Греюсь. Питаюсь его силой и теплом... Вздыхаю устало и грустно.

- Эй, мелкая?! – Он резко ставит меня на ноги и встряхивает. – Ты чего молчишь? Закисла совсем? Когда это мои шутки про твой мозг оставались без дела? Зря, что ли, тебя подколоть пытаюсь?

- Я хочу домой, Воронов. Вызови мне такси. И я поеду. И забудь про этот вечер, пожалуйста... - Мне так хочется убедиться, что мы снова – друзья. И он не гоняет меня из дома, и я не ревную, глупая, к очередной его раскрашенной шлюшке...

- Уже.

- Что «уже»?

- Одна минута – и поедem. – Я пытаюсь заглянуть ему в лицо, уловить – что там, в этом странном, пугающем, непонятном взгляде, которым Воронов тянет из меня все жилы... Но Данька не позволяет: словно пацана, обнимает меня за плечи, к себе прижимает, и треплет...

Я вздыхаю облегченно: кажется, у нас опять все наладилось. И не было этого глупого, дурацкого, совершенно лишнего поцелуя!

А если мы друзья...

Снова просыпается надежда. Заставляет меня улыбнуться

несмело...

Может быть, у нас еще все получится?! И Данька обязательно поможет мне? И этот вечер был совсем не зря?

- Падай. – Распахивает передо мною дверь подъехавшего гелика.

- Может, я должна взлететь? – Слишком узкое мини, чересчур высокие шпильки... Не представляю, как буду забираться на подножку этой тачки.

Данька смотрит насмешливо – и одним ловким движением подбрасывает меня, закидывает в салон автомобиля.

И падает рядом сам. Обнимает меня за плечи, прижимает боку.

- А ты куда? Нам же в разные стороны... - Ничего не понимаю. Мы никогда так рядом с ним не ездили. Он только вызывал такси, сажал меня – и все.

- Папеньке на руки тебя сдам. Я же, вроде, твой парень теперь? Должен тебя провожать...

Сердце ухает куда-то в пятки. На его месте – холод и пустота. И дрожь по телу разбегается, вслед за острыми, непонятными мурашками.

На языке вертятся слова – очень разные. Горячие, обидные, злые, возмущенные... Да чего только не вертится там – важного и не очень... Да только – ничего умного.

И я молчу. Крепко сжимаю зубы и молчу. Чтобы не испортить. Данька – он же такой. Чуть лишнее ляпнешь – и все передумает. И все будет зря. Все мои мучения, все пережи-

вания – все будет вхолостую.

Нет уж! Хотя бы сейчас, хотя бы раз в этой жизни, я сумею заткнуться, и Даня станет моим парнем! Главное, чтобы он смог подольше продержаться...

Глава 5

- Сиди ты спокойно, не ерзай! – Крепче сжимаю ее плечо. Вдавливаю в свой бок.

Это невыносимо терпеть.

Физически больно от того, как Алька ерзает на сиденье. Как ее колени сжимаются и раздвигаются. Как изящные, тонкие пальчики беспрестанно одергивают край короткого платья.

Стараюсь не смотреть. Слежу за тем, как в окне проносятся вывески, объявления, столбы, светофоры... Еще немного – и начну это все считать. Только бы не видеть, не слышать, не ощущать, как пахнет Алькино тело – горячее от моей близости. И как она дышит прерывисто, взволнованно...

Твою ж мать! Зачем я, вообще, взял в руки телефон? Мог бы отлично сейчас развлекаться с той белобрысой. И ни о чем не думать...

- Приехали. Выходить будете? Или еще покататься реши-ли? – В зеркале заднего вида ловлю насмешливый взгляд водилы. Этот урод косится на коленки Альки! Руки тут же горят от зуда. От желания вмазать по наглой роже!

- Выходим, Аль. Слышишь? Ты там уснула, что ли? – Она как будто стала совсем уже маленькой. Вжалась в кожу кресла, вдавилась в него, а ногтями вцепилась в мое запястье. И не дышит совсем. – Или укачало, может? Выпрыгивай, да-

вай, пока дядь Витя не увидел, как тебя полощет... Я же не успею рассказать никаких новостей – он меня сразу и удавит...

Шучу, а на сердце беспокойно. Вдруг, ей реально плохо сейчас? Я как ее буду спасать-то?

- Будет боевое крещение. Не дрейфь, Данечка. Папа тебя примет с распростертыми объятиями. Сам же все прекрасно знаешь! – Несмелая улыбка оживляет личико, добавляет немного красок на кожу, до того совершенно бледную.

- Хрен знает... Я бы и стволу не удивился... Я бату твоего отлично знаю...

- Так, птички. Вы будете вылетать? Счетчик уже начал мотать за ожидание... - Мы совсем забыли про водителя, сверля друг друга пристальными взглядами.

- Держи, не плачь. – Не глядя, достаю из кармана несколько купюр, бросаю ему на торпеду, и практически силой вытаскиваю Альку из машины.

- Та как? Не тошнит? Все нормально? – Такси газует, на секунду оглушив нас ревом мощного движка. Алька стоит, пошатываясь. Цепляется в мой рукав, с такой безнадегой в глазах, будто лишь от меня зависит, устоит ли она на ногах...

- Ты что там употребляла, а? Что ты ела, пила, Аля? С кем ты туда, вообще, ходила?

Мне уже плевать на ее отца. Пускай убивает, стреляет, рвет меня на куски руками... Не важно. Главное, пусть это делает после того, как я накажу все виноватых! В воспален-

ном мозгу уже вертятся картины страшной мести.

- Я... Не знаю. Просто папу боюсь. Ничего я не пила, кроме воды. И пары коктейлей. – Она хитро ухмыляется, замечая, как я снова начинаю звереть. – Мохито без алкоголя. Ты чего, Воронов? За кого ты меня принимаешь, вообще?

- Ведьма. Опять издеваешься? – Ей лучше от наших перепалок. Что ж. Пускай. Потом отыграюсь. Время будет.

- Идем уже. Мне, между прочим, уже пора в люльку. Еще чуть-чуть – и папа меня никуда никогда не отпустит! И даже с тобой!

Ее глазища опять распахиваются. И уже в настоящем ужасе.

- Аль, кончай таращиться уже. Я все время думаю, когда у тебя глаза наружу вывалятся, а они все никак не хотят...

Моя шутка летит ей куда-то в спину.

Алька уже припустила к воротам. Спешит, не оглядывается... Но хромает уж слишком явно.

- Стой ты, блин. Пока в грязи не извалялась. – Опять ловлю и беру ее на руки.

Ну, блин... Когда еще будет удачный шанс потрогать ее безнаказанно?

- Аля? Даниил?! Какого черта здесь творится? Вы... Ты почему ее на руках несешь? Что происходит, Данила?! - Ворота распахиваются, выпустив на тихую улицу разъяренного отца.

- Папа, привет... - Алькин голос еле слышен.

- Что, явилась твоя коза? – За спиной Виктора появляется мой отец. Бинго!

- Ага. Вишь, в какой компании? – Дядя Витя немного утихает. И сверлит нас обоих очень цепким, изучающим взглядом.

- Ого... Данюха... Да ладно? Вы что, реально спелись, да? – Мой отец, очевидно, в отличном настроении.

И оно на глазах улучшается.

- А у нас, по ходу, еще повод накатить! А, Витек? – Батя довольно хлопает Виктора по плечу.

- погоди. Сначала разберемся, что тут происходит, вообще... - Виктор Андреевич не так лучезарен и дружелюбен, как мой наивный предок.

Молодец.

Отлично знает свою дочь. И в наших с ней терках – тоже хорошо разбирается... Его так просто не проведешь...

Глава 6

Господи, Боже мой!

Как бы, вот прямо сейчас, без подготовки, мне бы провалиться сквозь землю?

Кто?! Кто меня надоумил на эту дичь?!

Как я могла сочинить, что папа поверит в наши отношения?! Он же сейчас убьет нас обоих – сначала меня, потом Данилу! И еще сделает по контрольному, в голову! Чтобы точно не выжили!

Лихорадочно сочиняю отмазки, одну глупее другой... И ничего хорошего на ум не приходит. Паника накрывает... Бежать! Бежать отсюда! И не важно совсем, что бежать мне некуда – возвращаться сюда придется, по-любому. Как бы ни бегала, отец меня все равно найдет... и убьет...

Даня, словно шестым чувством, ловит мою панику. Он будто мысли мои читает – опускает на землю, хватается за руку. Обнимает за плечи, стискивает... Так сильно, что мои ребра трещат. А затем и вовсе – прячет меня за спину, а сам вперед выступает...

- Объяснись, малой. У тебя две минуты. Не успеешь – репрессии включу.

Отец говорит спокойно. У него не дергается ни одна мышца на лице. И взгляд его обманчиво холоден... Но мы-то все прекрасно знаем, чем оно может закончиться, это спокой-

ствии...

Папа и застрелить может, и глазом не моргнет... И чем холоднее голос отца, чем он тише – тем страшнее мне становится...

- А что тут объяснять, Виктор Андреевич? – Данька, молодец такой, не пугается. И даже улыбается, как будто... И вообще, мне кажется, мой папа ему – никакой не указ.

- Ты из какого борделя ее приволок, раскрашенную, как последнюю...? – Не закончив фразу, отец сплевывает в сторону. И все же, мы отлично понимаем, кем он меня считает теперь.

- Дядь Вить, может, мы хотя бы во двор зайдем? Вы, реально, хотите, чтобы все соседи были в курсе наших с Алеей отношений? Зачем вам это? – Даня игнорирует вопрос, шагает вперед, меня тащит следом...

- погоди. Сначала ответь, где вы шлЯлись в такое время?! И кто позволил Алевтине нацепить на себя эту дрянь? – Отец заводится. Но это слышу только я. Для всех остальных – он продолжает излучать спокойствие. Только пара ноток в голосе, известных лишь мне... Они грозят нам самыми страшными карами на земле.

- Виктор Андреевич, вы не видите, ей холодно, она устала, а еще и подвернула ногу? Если не хотите, чтобы ваша дочь и моя девушка была в комфорте... Я отвезу ее отсюда. Решайте.

Ого...

А вот это – просто капец! Ультиматумы... Такого папа еще никому не позволял!

- Куда? Обратно в бордель? – Тем не менее, голос отца смягчается... Он отступает в сторону, буквально на пару сантиметров, и позволяет зайти во двор.

- Сейчас, я помогу ей переодеться. Мы вернемся и все обсудим. Хорошо?

Молчание. Глухое и опасное. Как затишье перед грозой...

Упорно смотрю себе под ноги. Дико боюсь даже взглянуть на взрослых. Кажется, что под их взглядами я просто исчезаю, в пепел превращусь... И очень быстро семеню вслед за Даней.

- Не понял! Ты что, сам ее переодевать будешь? Ничего не перепутал, малец? Думаешь, с твоей наглостью все можно?! - Голос отца звенит издевкой. И теплеет, сразу на несколько тонов...

- У нее нога подвернута. Помогу подняться на второй этаж, а потом спущусь. Я ваш дом уважаю, дядь Вить. Края вижу. Перебарщивать не стану – я же не самоубийца. – Данька тоже оттаивает, позволяет себе усмешку... Но все же ускоряется. И меня за собой все быстрее тянет...

- Спасибо! Данечка, спасибо тебе огромное! – Оставшись наедине, бросаюсь ему на шею, позабыв о том, как сердилась, как злилась, как ненавидела его... Сейчас он – мой спаситель. Самый главный. Самый верный и надежный. – Я всегда знала, что на тебя можно положиться!

- Иди. Надень штаны нормальные и какие-нибудь тапки...
- Он застывает на секунду в моих объятиях. Словно каменеет... Затем с усилием отдирает мои пальцы от своих плеч. Кажется, что ему противно даже прикасаться ко мне. Делает больно своим отвращением...

- Прости. Все время забываю, что ты меня терпеть не можешь. Я же не эти твои... А сухая вяленая вобла, на которую без слез не взглянешь... - С горечью выплевываю фразу, от которой когда-то чуть не умерла. Сейчас уже все не так. И я знаю! Знаю, что на меня все смотрят! Парни сходят с ума, когда я прохожу мимо! Только Воронов нос воротит...

Но мне-то – какая разница?! Мне он больше не нужен, только для прикрытия! А ради этого можно и потерпеть...

- Аль. Ты меня попросила о помощи. Я - вписался. Сейчас еще краснеть перед батеи твоим буду. Чего еще тебе нужно? – Впервые замечаю, что он черный от усталости.

- Прости. Прости, пожалуйста... И спасибо тебе! – Трясу его ладонь обеими руками, опасливо отступив на шаг назад. Больше не рискую приближаться.

- Пять минут. Если не вернешься вовремя... - Он кривится, что-то просчитывая в уме.

- Ой, только не говори, что надаешь по заданице! Знаю я эти твои угрозы... - Позволяю себе даже хихикнуть...

- Я просто уйду. А ты тут сама разбирайся. И забудь мой номер телефона!

И вот эта его угроза – она настоящая. Верю ему. Пугаюсь.

Бегу в свою спальню, рискуя снова сломать ноги. Если он уйдет – все пропало. И никакого счастья у меня не получится!

Глава 7

- Ты глянь, Витек... А он послушался. Вернулся один. – У моего отца – все круто. Он улыбается, развалившись в шезлонге. Помахивает наполненным бокалом. Похоже, он уже праздновать что-то собрался.

- Еще бы он не вернулся. Никто не хочет из окошка вылететь.

Виктор Андреевич – как тигр, запертый в клетке. Ходит кругами, смотрит на меня волком.

- Объяснишься, малой?

- А что тут объяснять, Виктор Андреевич? Мы с Алей решили быть вместе. Вот, я выполняю обязанности ее мужчины...

- Кого?! – Твою ж мать! Ничего не боюсь уже давно. Но от этого рыка чуть не поперхнулся, чуть зайкой не стал.

- Молодого человека Алевтины. Она нагулялась, позвонила – я привез ее домой, в целости и сохранности.

Опускаюсь на свободный шезлонг, тянусь к пустому бокалу.

- Стоять! Тебе тут еще, пока, никто не наливает! Ты, кстати, уже что-то принял? – Он принюхивается к моему выхлопу. – И Альку тоже напоил?

- Она трезвая, дядь Вить. Просто в клубе загулялась с подругами.

- А ты? Ты почему не трезвый?

- Ну, так для храбрости, чисто сто грамм. – Небрежно отмахиваюсь. Знал бы он, чего мне стоили эти три глотка... И как после них еще больше убивать захотелось...

- Пап. Что ты к Дане пристал? Он, между прочим, совершеннолетний! – Алька является, словно из-под земли. Словно и не хромала отчаянно, пару минут назад... или это время для меня так быстро пролетает? Меня словно черти в аду на сковородке жарят. Когда мне позволят нормально поговорить с этой сумасшедшей?

Она же всегда говорит, что знает меня, как облупленного. Мысли, типа, мои читает...

Так какого, твою-то мать, лешего, она теперь жилы из меня вытягивает?!

Переделась. Ага. Приличная, типа.

Штаны. Футболка до самого горла. И сверху кофта накинута...

Какой урод сочинил такие ткани? Кто это все, нахрен, сшил? Почему она одета, но выглядит, словно раздетая? С трудом отвожу взгляд от округлых бедер, когда Алька становится прямо передо мной... И падает мне на руки! Шезлонг поскрипывает, но держится...

- Хорошая мебель у тебя, Витек! Мои бы стулья уже давно поломались. – Батя снова довольно хмыкает. Кажется, только он здесь и доволен всем, что творится.

- Аля! – Голос дядь Вити мог бы заморозить воду. Лично

у меня пробегают мурашки по коже. – Ты что творишь, дочь моя?!

Он едва-едва играет интонациями. Совсем незаметно напрыгает свои чересчур расслабленные связки, а я руками и ногами чувствую, как Алька всем телом сжимается. Из мягкой, теплой, дышащей – превращается в ледяной пружинистый комок. Ей страшно. До усрачки. Да и мне не очень-то весело. Но, по привычке, встаю на ее защиту.

- Виктор Андреевич, вы же помните, ей тоже уже есть восемнадцать. Будете обижать – заберу к себе домой. Там на нее никто кричать не будет. Я не позволю, вы знаете...

- Гарик, а скажи-ка ты мне, с каких это пор твой отпрыск так обнаглел? – Дядя Витя долго буравит меня глазами, будто сверлами. И лишь потом, нехотя, оборачивается к моему батю. – Он, смотрю, на репрессии прямо напрашивается?

- А чего ты ему сделаешь-то, Витек? Меня заставишь наказывать? – отец отвечает с довольным хохотком. – Так он уже парень взрослый. Я – не указ.

- Гарик... - этот рык звучит очень страшно. Мало кому доводилось такое слышать. Это прямо когда совсем беда...

- А насчет Алевтины – ты в курсе, мне она завсегда нравилась. И я буду счастлив с вами породниться. Если надо – хоть сейчас ее примем. Бог дочерей не дал, так Алечка будет самой любимой и лучшей...

Спасибо, папенька. Много поводов тебя ненавидеть, но можно все простить за такую поддержку.

- Да щцщаз. Вам только волю дай – и тут же лапы к моим деньгам протянете. То я тебя, Гарик, не знаю.

- Дядь Вить, я Алю просто так люблю. – Черт. Как легко и просто это вылетает из моего рта. Слова, которые запирал годами. Которые выжигали грудь каленым железом, но я – молчал... Говорю – и сразу становится легче. Я теперь горы готов сворачивать. – Не надо нам ваших денег. И на свои, уж как-нибудь, смогу ее содержать.

Алька гордо вскидывает подбородок. Сейчас она начнет орать и возмущаться. Феминистка хренова. Вечно за какие-то свои права сражается и все такое...

Но я ловлю ее лицо пальцами, тяну на себя... И легонько касаюсь губами ее губ. С усмешкой наблюдаю, как взлетают ее ресницы, а взгляд становится ошеломленно-пришибленным. А потом в нем просыпается дикая жажда убийства. Кажется, я снова девочке не угодил... Но она молчит. И это – главное.

- Да вы что тут такое творите, у меня, твою мать, на глазах?! Ну-ка, быстро, встал и вышел! И больше на мой порог ни ногой, понял?! - Вот. Алькин батя, наконец, взрывается. Глаза налиты злобой, кулаки сжимаются так, что трещит бокал...

- Хорошо. Аля, пойдем. Твой папа нас не одобряет. – Легко вспрыгиваю, поднимая Альку на руках. – Значит, будем жить без его благословения. Пап, ты нас докинешь до дома, мне сегодня за руль нельзя?

- Воронов, что это значит? Я так не хочу. Это не правильно... - Алька испуганно шепчет мне куда-то в шею, щекочет кожу дыханием...

- Помолчи. Сейчас разберемся. – Широкими шагами двигаюсь к воротам. – Пап, если сам не поедешь – вызови нам такси, пожалуйста. У меня заняты руки.

- Стоять! Я вас никуда не отпускал. – В мою спину летят проклятия, из них цензурного – только предлоги. Алька жмурится, краснеет, смущается. Ее нежные девичьи ушки не привыкли к такому... Добро пожаловать во взрослый мир мужчин, детка...

Глава 8

В ушах гудит и звенит.

Не могу понять, чье сердце так сильно колотится – мое или Данькино.

Обалдеть.

Всегда казалось – он каменный. И заводится только от вида своих шлюшек. Все остальное для него – пыль и шум. Воронов идет сквозь них, не замечая даже.

А это что, выходит, он волнуется?

Да, ну, глупости... Его просто напрягает мой папа. Тот умеет любого довести до белого каления. Только дяде Игорю, отцу Даньки, плевать на его ор. Игорь Воронов улыбается всегда. Если кто-то умер – улыбается очень грустно...

Вот и сейчас, мельком замечаю, как он иронично скалится, пряча улыбку за краем бокала.

- На пол ее поставь. – Папа командует Даней, забыв, что тот не в его подчинении. И давно уже никому никак не подчиняется.

- Да не, дядь Вить, своя ноша не тянет. Я лучше подержу еще. Ставить-поднимать бесконечно – еще надорвусь... - Так хорошо у него в объятиях. Так надежно. Так тепло... Как же дико я скучаю по своему лучшему, единственному в мире другу! Только сейчас понимаю, как сильно не хватало

Воронова в моей жизни...

- Хм... Ладно. Твоя взяла. – Отец шагает ему навстречу, протягивая ладонь в знак примирения. – Моей дочери не нужны слабаки и хлюпики. Не потянут ее. А у тебя, похоже, шансы есть...

И стоит в ожидании. Руку так и держит.

Вынуждает моего друга отпустить меня. Поставить на ноги.

Меня слегка ведет – от усталости, от волнения, от желания куда-нибудь смыться... Забиться в угол, полежать лицом в подушку... Позвонить, наконец, Митьке... Он ведь, бедный, уже весь извелся от ожидания! Я ведь обещала ему, что сразу же сообщу! И забыла, начисто!

- Все. Вы тут говорите, пожалуйста, по-мужски. Я знаю. Вам надо. А я, наверное, побегу, да?! – Сил тут же прибавляется. Ноги не могут на месте стоять. Бежать! Бежать в свою комнату и звонить, разговаривать, успокаиваться, обещать, что все сложится у нас, как надо!

- Алевтина? – Папа только бровью шевелит, едва заметно, а сердце снова падает куда-то в пятки. И по пути обдает ужасным холодком – вот прямо обмораживает всю внутренку, от ребер и до самых ног.

- Дядь Вить, вы разве не видите, она уже еле держится... - Данька, надежный товарищ, крепко прижимает меня к самому боку, ободряюще тыкает пальцем куда-то под ребро, от чего я тут же вздрагиваю и выпрямляю спину. Вот гад же,

а! Я ему это припомню еще! – Не каждый день, между прочим, она вам приводит в дом своего парня. Я бы, на ее месте, только годам сорока осмелился... И то, не факт...

Он крепко, с чувством, трясет руку отца, а меня подталкивает. Просто заставляет сбежать! И я послушно уношу ноги.

- Аля... - Оклик Воронова ловит меня уже на пороге. Заставляет замереть. Черт. Он ведь тоже просто так не отстанет! И я не знаю, как ему объяснить все! Чем дальше – тем глупее мне все это кажется... Но дело сделано. Назад дороги нет...

- Да... - Оборачиваюсь через плечо. С надеждой, что меня быстро оставят в покое...

- Я еще позвоню. Поговорим с тобой... - Да. Я слишком хорошо его знаю. Ничего нового. Надо будет – в окно залезет ночью и попытает!

- Завтра позвонишь. Сам же сказал – устала девочка. Пускай, отдыхает. – Папа легонько стучит ему по плечу. – Расставаться полезно для отношений.

Все!

Теперь я могу отдышаться! Папа запретил – все. Я буду слушаться его и не отвечать Дане!

А про Митьку же ни слова не было...

Снова и снова набираю номер, зашифрованный под именем «Диана»... В ответ – лишь бесчувственная тетка сообщает, что абонент где-то шляется вне зоны доступа, и говорить со мною ни о чем не собирается!

С размаху швыряю телефон на кровать...

Ненавижу!

Ненавижу себя за глупости, которые творю без конца!

И вот что мне теперь с этим делать?!

От злости и безнадёги, швыряю телефон на кровать. Осторожно. Так, чтобы не треснул и не разбился... Вдруг, Митя появится в зоне действия, и не сможет до меня дозвониться?

Он, ведь, и в гости может припереться. И в окно полезет... Он горячий. Ещё жарче Даньки... А папа тут же его и поймает... И все мои старания – зря...

Трубка жужжит, несчастная, уткнувшись экраном в одеяло...

Волна радости накрывает с головой. Митя! Митенька! Точно! Он!

Отвечаю, не глядя:

- Да, милый! Я уже думала, никогда не дозвонюсь!- Голос дрожит и звенит от радости. Почти заикаюсь, спотыкаюсь на каждом слове...

- «Милый»... Аль, как банально... Не думал, что ты на такое способна... Ещё пупсиком меня назови, чтобы уж точно стошнило...

Не веря своим ушам, подношу телефон к глазам... Твою же мать! Там светится «Данька»! Надо будет срочно его переименовать!

- Я тебя заблокирую, понял?! Просила же – не звони мне сегодня! Папа запретил разговаривать! – Кричу на него, а

сама прислушиваюсь – вдруг, донесутся гудки параллельного дозвона?

- Аль, ты сама меня втянула в это все. Заметь: я тебя не трогал...

- Не трогал? – Я перехожу на ультразвук от возмущения. – Да меня за всю жизнь еще столько не лапали, как ты сегодня!

Вспоминаю прикосновения... поцелуи... почти незаметные взгляды... И уши начинают гореть...

- Я же твой парень. Имею на это право. – Данька даже урчит от удовлетворения. Так всегда, если у него получается меня уесть!

Глотаю комок в горле.

Послать бы его, отправить в черный список... И попросить папу, чтобы больше никогда не пускал его на порог!

Но тогда – конец всем моим грандиозным планам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.